

АЛЬБЕРТ УСТИНОВ

О ПРОСТОМ СОВЕТСКОМ ЧЕЛОВЕКЕ...

Исповедь в преддверии восьмидесятилетия

Да, о нём, о том “агитпроповском” образе с плакатов советских времён – человек с ружьём, с отбойным молотком, с мастерком, с серпом, или девушка с веслом, со снопом, иногда с циркулем и логарифмической линейкой. Это их, поставленных как королей или полководцев на высокий пьедестал, в постсоветское время назовут пренебрежительно “совком”, как бы в отместку за “наглость” занимать столь “благородные” места.

Но не так уж и прост тот “простой” человек, если о нём столько разноречивых мнений высказывалось: советская пропаганда поднимала его на котурны, а постсоветская “демократическая элита” желчно мстит “простаку”.

Не вдаваясь в запутанную семантику дилеммы “простой – непростой (сложный)”, я предлагаю найти какую-то отправную точку, откуда расходятся понятия, тот сказочный камень, на котором начертано: “Направо пойдёшь – найдёшь... Налево – всё потеряешь...”

Вот “простой человек”, что жил в поэтическом сердце Н. А. Некрасова:

*...Чьи работают грубые руки,
Предоставив почтительно нам
Погружаться в искусства, в науки,
Предаваться мечтам и страстям.*

В некрасовское время более 80% русского простого люда жило по тёмным избам с лучинами, прялками, с “телятами в подклети”, с деревянными сохами на полях, хотя уже кое-где появлялся однолемешный плуг.

Никакой “америки” я не открываю, называя простым человеком – русского мужика, то есть крестьянина, потому как мы, по слову другого русского поэта, Александра Твардовского, “...все, почти что поголовно, оттуда люди, от земли”. И у советского простого человека, хоть в пропагандистской ипостаси, хоть в “совковой” карикатуре, одни и те же генетические корни – от русского мужика, в том числе и эта пресловутая “простота”, которая, по его же присказке, “хуже воровства”. Вообще-то русский мужик себя не щадит в самохарактеристиках. Его национальный сказочный герой – Ванька-дурак или Емеля-лежебока, хотя в своей глубинной сути (“себе на уме”) он твёрдо уверен, что “терпенье и труд всё перетрут”, да и смётки у дурака хватает жарптицу схватить...

Вот и выходит, что советский простой человек — прямой потомок древних оратаев, корчующих пни, смолокуров и бортников, ратников княжеских дружин, волхов, гусяров, скоморохов и разбойников, беглецов в казаки от помещиков, артельных людей, бурлаков, мастеров и подмастерьев на промыслах, рабочего люда.

Кстати, о барах — баринах, барышнях, барчуках, словом — господах. В разговоре о “советском человеке”, у которого даже само слово “господин” было изъято из обращения, легко и просто заменено удобным и доверительным “товарищем”, казалось бы, и упоминать не стоит отброшенный историей “класс эксплуататоров”. Но не всё так просто! При всей моей классовой неприязни к барам я всё же признаю их русскими, частью своего народа.

Когда я, крестьянский сын, внук, правнук и праправнук крестьянина, перебираю “витки” родословной своего народа, то нахожу родные черты и в былинном Микуле, и в летописном Несторе, и в толстовском мужике из “Власти тьмы”, который кроме “Таё-таё” ничего и сказать-то не может, и в чеховском “злоумышленнике”, открутившем на рельсе гайку, потому что “шелешпёр без грузила не ловится”. Моя костромская паутинка сплетена в том “жгуте” с сибирской казачьей “ниточкой”, на всех витках мелькают родные “кровиночки” от Украины до Сахалина. И прочно, и уютно мне ощущать корешки в своей земле и чувствовать общую радость и боль единого большого организма народа.

Вот понятие “народ”, пожалуй, и является камнем преткновения при сшибках мнений обо всём советском, вплоть до пресловутого “совка”. Пока Империя делила своих подданных на православных и инородцев, разбивая их ещё на сословия, реестры и ранги, каждый чётко “знал свой шесток”. Но даже в имперской идеологической триаде (“православие, самодержавие, народность”) это понятие (народ) загадочно вплетено в “жгут” наравне с другими скрепами. Какой “народности” присягали служилые имперские чины? Не могло чванливое высшее сословие открыто признать свою родственную связь с простым народом, например, с крестьянским сословием, но “по умолчанию” обязательно было признавать сакральность этого понятия. Народность! — а неплохой синоним патриотизма!

И вот Революция. Крах Империи. Советы. Рассыпались скрепы-сословия. Даже крестьянский сын, ставший великим национальным поэтом, приехав в свою (уже советскую) деревню, изумлённо узнаёт, что не его стихи, а “агитки Бедного Демьяна” распевает молодёжь:

*Что с попом, что с кулаком —
Одна беседа:
В пузо толстое штыком
Мироеда!*

Но раздавались и разгневанные поэтические крики: “В хлев ты будешь загнан, народ, не уважающий святынь”.

В этом последнем стихе-проклятии, принадлежащем одной из известных представительниц русской эмиграции, наиболее жёстко и откровенно прозвучал тайный смысл державной триады, понимавший народность как “народ в хлеву”. Пока он покорен “белой кости” и пока уважает святыни православия и самодержавия, мы будем терпеть тебя рядом с собой в триаде. Иначе — снова палкой загоним в хлев. По сути, в этих строках вся идеология внешней и внутренней русской эмиграции, у которой вместе с “трень-бренью” званий, сословий и регалий потускнела позолота святости.

“Белая кость” покинула страну, а по сю сторону границы остался советский простой человек. Давайте-ка, господа-товарищи, “совки” и их ненавистники, теперь, век спустя, спокойно, без жгучей ненависти классов взглянемся в срез этого революционного момента истории и попытаемся найти нечто отличающее бывшего гражданина Российской империи от советского человека.

...Как было у нас в казачьей станице на краю казацкой степи? — “Наша взяла!” — вот и вся “идеология”. Наша, рабоче-крестьянская власть. Атаман и управа отменяются. Вся власть Советам! Управу назвали Советом, а атамана её председателем. Так свершилась “революция” в станице. Но комиссар из уезда сказал: надо создать комбед. Из батраков и одношадных мужиков. В комбеде оказался только один грамотный — расписываться умел. Так

чья власть? — комбеда (“наша взяла”) или того “совета” (бывшей управы)? Из уезда (110 км) пришёл пешком “партеец” и провёл разъяснительную работу: создали партийную и комсомольскую ячейки, объявили атамана и членов управы (“справных мужиков”) вместе с попом “классовыми врагами” и решили на общем сходе выбрать новый совет. Но не успели. Из Омска нагрянул “разъезд” из пяти вооружённых конных и двенадцати казаков с конями и ружьями и увели комбед к Колчаку. . .

Все эти дела на памяти родственников и родителей, тех “комсомольцев двадцатого года”, которые собирались вечерами в “избе-читальне” и под диктовку отца (единственного грамотного) выводили из учебника ликбеза: “Мы не рабы, рабы не мы”.

Потом вернулись дезертиры, не захотевшие уходить на восток с войском Колчака. Потом мужики верёвками срывали крест с церкви под испуганными взглядами оцепеневших баб. Потом была организация колхоза со многими “картинками”. Одна из них: бабушка падает на пороге стайки, не давая деду уводить корову в колхоз, а дед бьёт её налыгачём. Всяко было. . .

Потом была песенная весенняя посевная всем нарядным колхозом с первым трактором. Был первый “красный обоз” с урожаем. Второй обоз. Третий. . . А план хлебопоставок всё увеличивался. На трудодень ничего не осталось. Даже на семена. На следующий год — голод. А тут ещё один “рот” родился — я.

К тому, что было, могу добавить и свои “памятные фотографии”. Отец, как фокусник, зажигает и гасит висящую над столом лампу под крики, смех, звон бутылок и стаканов — пришло электричество! На площади у клуба “заговорила” на столбе чёрная тарелка — радио!

Конечно, мои телячьи радости раннего возраста — слабые аргументы. Я также визжал от восторга, когда папу провожали на фронт, и он, вскочив на стол, как с трибуны, кричал: “Наше дело правое — мы победим! За Родину! За Сталина!”

А чего же я утаиваю про раскулачивание и репрессии 1937 года? Но никаких отзвуків ни во мне, ни в семье, ни во всём обширном родственном клане 1937 год не оставил. Правда, я, уже взрослый комсомолец хрущёвского времени, “требовал” за это ответа у “сталиниста”, инвалида войны, на что отец зло ответил: “А не было никакого раскулачивания, никаких “воронков”. — “Но это же. . .” — я ему хрущёвскими словами про “культ личности”. “У нас не было, — твёрдо отрезал отец. — Слава богу, стукачей не оказалось”.

Так вот, что за народ такой был — советский? Был ли? А может, и есть?

Пожалуй, как первое характерное отличие надо назвать товарищество. Помимо официально введённого обращения друг к другу в связи с отменой сословий, очень быстро вошла в быт, культуру, в обиход “простого” народа некая общественная ипостась. Ленинские слова “жить в обществе и быть свободным от общества — нельзя” были ответом на провозглашение либеральных свобод.

Не будем оценивать практику складывавшегося социалистического общественного устройства и формирования социалистического сознания, но отметим бесспорную роль в жизни каждого члена советского общества коллективистских начал: производственные, профсоюзные, комсомольские, партийные собрания, заседания многочисленных комитетов, кружки самодеятельности, соревнования, спортивные состязания, культ- и турпоходы и т. д. Разумеется, “притирание” двух диаметрально противоположных начал, заложенных в человеке (личного и общественного), происходило и будет вечно продолжаться. Но то советское общество проводило “притирание” с целью достижения гармонии во имя поставленной высокой идеологической цели — формирования нового гармонически развитого человека, и это — исторический факт.

Итак, товарищество, гармонизация общественных и личных интересов — первый характерный признак советского человека. (“Нет уз святее товарищества!” — идёт из глубин русского народного сознания, подчёркнуто ещё великим Гоголем.)

Вторым характерным признаком советского человека надо назвать стремление к знаниям. Здесь не сразу высветиваются заложенные в государственным масштабе различные “всеобучи”, “ликбезы” и “рабфаки”, курсы и институты повышения квалификации, вечерние и заочные школы и другие формы “охвата” (термин вполне официальный) учёбой каждого члена общества. Ле-

нинские слова “Учиться, учиться и учиться!” первенствовали в наглядной и устной агитации и пропаганде.

Жажда знаний манила, вела, заставляла учиться. Не просто мотивы личной карьеры, престижа, материальной выгоды вели русского, советского человека к знаниям. Это сторона разумелась сама собой (“не вечно тебе крутить быкам хвосты в колхозе”), но главенствовали соображения более высокой значимости, наполненности “золотым содержанием” научного знания, народного признания.

Из деревни стали уходить не только в солдаты и на промыслы, но и в университеты. Опять же по себе сужу: я один из первых студентов за двухсотлетнюю историю деревни. Да и к нам стали приезжать учителя, агрономы, врачи, инженеры.

Этим “образованцам” надо бы гимн пропеть, по-хорошему, за их исключительную историческую роль в рывке советского народа к знаниям с 20-х по 90-е годы XX столетия. Это они, надевшие габардиновые плащи, шляпы и шляпки, повязавшие галстуки и шарфики, становились образцом для подражания многочисленным родственникам и соседям не только в “городской” моде, но и в оборотах речи, в любви к книгам, в нравственной и личной гигиене. Это на их долю пришлось основная тяжесть подъёма всеобща и роста знаний в бесчисленных бесплатных кружках юннатов, техников-конструкторов, рукодельниц, в самодеятельных художественных и спортивных секциях, в организации множества смотров, конкурсов, олимпиад, в нравственном и эстетическом воспитании детей и юношества.

“СССР – самая читающая страна” – не просто красное словцо. Даже сделав поправку на давление пропаганды, на обязательную подписку на партийные издания, без всякого преувеличения можно сказать, что миллионные тиражи не покрывали спроса на такие познавательные журналы, как “Знание – сила”, “Техника – молодёжи”, “Вокруг света”, толстые литературные журналы. За ними и за собраниями сочинений классиков выстраивались очереди.

Нынешние издатели с ностальгией вздыхают по разваленной теперь советской системе книгоиздания и книготорговли.

Всё советское общество было пронизано педагогикой сверху донизу. И дело не только в главенствовавшей и властвовавшей коммунистической идеологии, – в основу государственной педагогики ложились вошедшие в быт и культуру русского народа фундаментальные принципы и традиции, заложенные в тысячелетней истории России. Недаром, когда сформулировали “Моральный кодекс” советского человека (строителя коммунизма), то он чуть ли не полностью повторил христианские заповеди.

Попутно следует отметить, что охотников поэкспериментировать на “новом человеке” было немало. Достаточно вспомнить Пролеткульт, пытавшийся “сжечь Рафаэля”, создать своё новое, пролетарское искусство, перевоспитать в “революционном духе” зрителя, слушателя, читателя.

К разгрому Пролеткульта приложил руку В. И. Ленин и дал наркому просвещения важные инструкции: “Всё ценное в старом искусстве сохранять, к новому относиться сдержанно, давать ему возможность развития, но ни в коем случае **не давать заниматься захватничеством**” (цитата в пересказе Луначарского). Был не только сохранён, но и развит великий русский театр, создано великое советское кино, расцвела на народной основе советская музыка, особенно русская советская песня.

А что хотели сделать шкрабы (школьные работники) со школой? В результате многочисленных и не всегда безобидных шараханий советская школа всё же продолжила структурно и методически русскую классическую (дворянскую) гимназию, которая обогатилась опытом подготовки человека к гражданской зрелости не только для выходцев из среды высших сословий, но для каждого.

Известные достижения Советской страны в науке могли быть ещё более внушительными, если бы не обстановка холодной войны, ситуация “окружённого лагеря”, система охраны государственных и научных тайн. Такая обстановка приводила к администрированию в науке, которую приходилось болезненно преодолевать.

Назовём и третью характерную особенность советского человека – интернационализм. Рождённый рабочим движением вместе с лозунгом “Пролетарии всех стран, соединяйтесь!”, этот термин был и остаётся самым политизиро-

ванным, горячим, обоюдоострым. Коммунисты склонны были употреблять его с прилагательным “пролетарский”, в отличие от “буржуазного”, который нынче превратился в “глобализм”.

Но не будем увлекаться “измами”. Речь идёт об обыденном “человечьем общежитии”. Как жить рядом и вместе людям разных национальностей? Ничего лучшего, кроме дружбы народов, не придумаешь. Это и “придумали” советские люди.

Противники советской власти и социализма по поводу “дутой” дружбы народов СССР нагородили горы чепухи и злобной лжи: не было-де никакой дружбы, одно принуждение и пропаганда: образование национальных республик, областей и округов только заложило бомбу под СССР. Даже эти два тезиса, которые противоречат друг другу, обнаруживают ложь злопыхателей: если было принуждение, зачем же народам, никогда не имевшим своей государственности, предоставлялись автономии, самостоятельность для развития?

А про развитие злопыхатели вообще не упоминают. Как будто не было создания письменности для народов, которые до этого не имели её. Как будто не было роста национальных школ, театров, институтов, даже академий наук. Надо ли перечислять имена национальных артистов, писателей, художников, учёных, которые появились на всесоюзной арене и вместе с русскими именами составляли гордость советского народа? А Дни, Недели и Декады национальных культур в Москве и в республиках!

При неизбежном налёте официальной пропаганды при проведении подобных мероприятий, в них бился пульс той самой дружбы, когда завязывались узы личной приязни, деловых и творческих договорённостей.

Такие же процессы происходили не только в эмоциональной творческой среде. Единое экономическое пространство СССР было и единым производственным комплексом, когда освоение северов или целины, новых месторождений или прокладка дорог втягивали в себя рабочую силу всех регионов – всех советских людей разных национальностей.

Интернационализм советских людей заметен был по интернациональному составу производственных и иных коллективов, экипажей судов, экспедиций, армейских подразделений, учебных групп, что резко контрастировало с положением в дореволюционной России.

Говорить о росте смешанных браков, как показателе интернационализма, было не принято: тут любовь замешана, а она – вне статистики. И всё-таки как мне, целиннику, не вспомнить, что в Кокчетавской области в годы освоения целины регистрировалось 64% смешанных браков. Факт вещь упрямая.

К теме интернационализма тесно примыкает тема русского народа. Сколько ни “обнажай” этот вопрос или ни упаковывай его в разные обёртки, всё равно “русский вопрос” высовывается шилом из мешка.

Весь мир советских людей называл русскими. Советские люди нерусских национальностей не только не возмущались этим, но с гордостью признавали своё родство со “старшим братом”.

Только после ельцинского “парада суверенитетов” со стороны антисоветских и антикоммунистических сил этой идеологеме был придан ядовитый окрас шовинистической имперскости, чего никогда не было ни у реального русского народа, ни у эфирно-газетного “старшего брата”. Наоборот, родственно-бытовая, семейно-сердечная интонация такой идеологической формулы накладывала на реальный русский народ дополнительные этические обязанности помогать “младшим”. Это хорошо знали тысячи и сотни тысяч, если не миллионы, направленных в “национальную глубинку” учителей, медиков, агрономов, ветеринаров, инженеров и других дипломированных специалистов. Почитайте биографии появившихся в советское время родоначальников национальных литератур, театра, кино, музыки, изобразительных искусств – у всех вы найдёте благодарственные отзывы о своих русских учителях.

Есть и у меня капелька личного опыта в этой связи. Так случилось, что в мою биографию вплелось пребывание депутатом разного уровня советов одной из национальных республик. Из многочисленной череды обращений граждан вспоминаются, не скажу частые, но бьющие по нервам и вгоняющие в неловкость обращения именно как к представителю русского народа, к “старшему брату”, способному, по мнению просителя, объективно разобраться в вопросе, в отличие от охваченных межклановыми амбициями соплеменников.

А что случилось, когда к власти пришли сторонники западных ценностей? Реклама и пиар! Выпячивание себя, своего товара. Учат теперь деток не быть скромными. . .

Мир внутри меня (эго) и высокое Небо над головой – удивительные, несоизмеримые, несопоставимые и даже как будто противопоставленные друг другу величины. Но довольно метафор! Советский простой человек в идеале должен был соединить земную эгоистическую и звёздную альтруистическую стихии в единой ипостаси. В идеале. . . Реально, конечно же, были и обожжённые крылышки, и взлёты подвига, и “чего изволите?”, и “ты – мне, я – тебе”, и стахановцы, и ударники коммунистического труда, и несуну, и бегуны от алиментов, и матери-героини, и пьяницы, и трезвенники, и трудоголики, и тунеядцы. . . “Ничто человеческое” не было чуждо нам. Но куда был направлен мощный общественно-педагогический вектор, не допускавший ни малейшего колебания стрелки морального барометра? Кто были советские “святые”? Чьи лица с Досок почёта торжественно и уверенно утверждали “символ веры” советской “религии” – “Слава труду!” В каждом городе, районе, совхозе, колхозе, на каждом предприятии, в каждом учреждении “канонизировались” имена рабочего и директора, вахтёра и инженера, учителя и врача, учёного и артиста.

Давайте без лукавства, без ехидных намёков на кабинеты, в которых принимались решения, признаем перед своей совестью, что все эти имена были достойны уважения и почёта по своему социально-нравственному облику и заслугам перед обществом. За очень редкими частными исключениями они не подвергались резкому отторжению. Потому что решения в кабинетах не противоречили “народной молве”; наоборот, на ней и на “объективных показателях” результатов труда строились.

С орденами и званиями, как и с учёными степенями и должностями, была “катавасия”: несоразмерно уступая современным изошрённым пиаровским технологиям, советский “блат” находил все же обходные пути для дутых званий, степеней. Народная молва не проходила мимо них, критиковала, высмеивала, “прорабатывала” на собраниях и заседаниях, в СМИ. И, пожалуй, следует признать, что при общем нравственно-педагогическом векторе “издержки” в виде “дутых авторитетов” не превышали критического уровня: социально-карьерный лифт в целом справлялся с поставкой наверх кадров, способных руководить производством и обществом на должном уровне.

Особая грань темы советского народа: депутаты всех уровней. Вот уж благодатная площадка для обвинения “совка” в антидемократизме, тоталитаризме! Ведь выборы в действительности проходили ещё до всенародного голосования в тех же кабинетах, в которых формировались и списки для Досок почёта. Право слово, не наобум. Мучительно и задолго до выборов шла работа по отбору кандидатов. Для чего? Давайте задумаемся. Для единодушного одобрения так же тщательно обработанных в недрах плановых органов специалистами директивных цифр? Для скандирования лозунгов и здравниц? Для заседания в президиумах? Не без этого! Но вот в чём был мучительный для “ответственных товарищей” момент выбора – кого рекомендовать? В ответственности за моральную, политическую, человеческую чистоту рекомендуемого лица, которому предстоит стать лицом советской власти!

Ведь депутат сталкивается лицом к лицу с народом, разбирая многие заявления, просьбы, жалобы, и его моральный авторитет был безупречен. Кажется, и не было случаев падения в коррупционную грязь.

В этом смысле он не только по названию был “народным”.

Чтобы не возникло у читателя подозрения, что автор ратует за безальтернативные выборы, должен пояснить свою позицию. Советский простой человек, каковым я являюсь и от имени кого выступаю, “не лыком шит”. Все видели и понимали, что, голосуя за одного, они не выбирают, а **уже утверждают выбранного**, что выборы уже состоялись, и день выборов – просто праздник торжества “советской демократии” в отличие от буржуазной, где лезут во власть кто попало, кто понаглее и побогаче, кто больше наобещает всяких (часто невыполнимых) благ своим избирателям. А мы ставим во власть того, кто понадежнее, от нашей рабоче-крестьянской косточки, с учётом того, что там, во власти, были и академики и слесари, и русские и звенки, и стар и млад. Лично сам я в этом “выборе” участвовал на собрании коллектива по

выдвижению. Понимал, что дальше эта кандидатура будет “вентилироваться” и “рассматриваться” в разных “инстанциях”, не доверяя которым у меня нет оснований. И я потом опускаю бюллетень как знак согласия с “проветилированной” в кабинетах кандидатурой. Вот так я избирал и был избранным, и не чувствовал себя ущемлённым в правах.

Рождённый в СССР, воспитанный по-советски, проживший всю трудовую жизнь при советской власти, которая меня учила и лечила, предоставляла бесплатные или дешёвые книги и учебники, библиотеки, спортзалы, детские спектакли и киносеансы, студенческие общежития, жильё и работу после училища или института, я вслед за Маяковским так и ощущал: “Очень правильная, эта наша Советская власть”.

“Что имеем – не храним, потерявши плачем”. В какой “прикид” ни облакайся, каким макияжем ни разукрашивайся, какую толстую шею ни наедай, каким фитнесом ни занимайся, а тот моральный облик скромницы “в платице белом” или надёжного парня “у проходной”, который воспитывала советская народная педагогика, не затмить, не заглушить, не забыть, не убить. Потому что в прилагательном “советский” к существительному “человек” за неброской одеждой, неприятным жильём, зачастую примитивной бытовой техникой таились идеальные качества нового человека, который должен впитать лучшее, накопленное человечеством, и развивать его дальше в своих детях. В этом суть коммунистического учения о будущем свободном бесклассовом обществе, без эксплуатации человека человеком.

Ещё Аристотель размышлял над феноменом под названием “человек” и называл его “общественным животным”, то есть всё истинно человеческое в нём – “сверхживотное”. Я пришёл к мысли, что всё истинно человеческое в человеке проявится в коммунизме, будущем справедливом обществе, строить которое надо, совершенствуя истинно-человеческие качества и преодолевая, обуздывая животные. С обретением такой простой и ясной “религии” мир для меня перестал быть хаосом случайностей; как в силовом магнитном поле, лица, поступки, предметы и события в отношении вектора моей коммунистической идеи выстроились в определённом порядке: хорошо всё, что ведёт к коммунизму, плохо всё, что ему мешает.

Я уже дед, и даже прадед. Дети, внуки, правнуки рядом, вокруг меня. Я ещё вписан в жизнь, а жизнь-то уже другая. Внуки поют другие песни, на мой взгляд, очень громкие, дёрганные, несуразные. И не поют мои, мелодичные. Вроде бы и обидно за песни, которые пел, которыми жил. Но и они ведь живут своими песнями. Им жить, им петь. Одеваются чудно? Так ещё Тарас Бульба встречал сына из семинарии “по одежке”: “А повернись-ка, сын, экой ты смешной какой!” Им нравится – ну и пусть! Да я и сам уже появляюсь на людях в шортах и бейсболке. Ничего, удобно и практично.

Стариковское брюзжание и закономерно и безобидно. Так было, так будет. Но в отношении “советского простого человека” неприменим геронтологический подход. Ведь он, советский человек, в историческом плане – ребёнок. Хотя, подобно Гераклу, ещё в колыбели стал совершать подвиги. Но старый хищный мир алчности и эгоизма, как бессмертный Кощей, над золотом чахнувший, в этом “ребёнке” учуял своего “могильщика”.

Кощей не пожалел злата на создание мозговых антисоветских центров, чтобы учёные, тщательно изучив этого “чудо-ребёнка”, нашли его “ахиллесову пята”. Перепробовав все старые методы кнута и пряника, плаща и кинжала (прямая интервенция, шпионаж и диверсии, поощрение агрессора Гитлера, “план Маршалла”, политика отбрасывания коммунизма, блокада Кубы, война во Вьетнаме и создание военных баз вокруг СССР, “холодная война” с “горячими точками” в Венгрии, Чехословакии, Польше), центры советологов отыскали-таки “ахиллесову пята” советского человека.

Она оказалась в том, чему не обучался “ребёнок”. Вернее, в том, от чего отучивала в своих ликбезах коммунистическая партия, ставя целью воспитание нового гармоничного человека, где достоинства личности определяются духовным и интеллектуальным уровнем и её вкладом в развитие социалистического общества. Этот казавшийся незыблемым категорический императив коммунизма в сознании значительного числа советских людей подвергся эрозии, когда произошла подмена ценностных ориентиров с духовно-нравственных на материально-потребительские.

Что произошло с советским простым человеком? “Из-за угла мешком пришибленный”, он до сих пор не вполне понимает, что произошло. И я не понимаю. Попав в такой умственный хаос, я не столько ностальгически, сколько инстинктивно-бессознательно, лихорадочно нащупываю остатки твёрдого советского материка.

Пробивается кодовая наследственность советского человека даже сквозь чудовищные извращения насаждаемого американского суперменства и подчёркивания расхристанной звёздности. В многочисленных мыльных сериалах мелодрам, в штампованных, многократно повторяющихся сюжетных коллизиях любовных треугольников и многоугольников, с родителями и неродными детьми, с поиском богатого “принца” и т. д., создателям проголливудских творений волей-неволей приходится искать “берег надежды”, куда надо приводить своих злосчастных героев, “гибнущих за металл”. До того тошнотворно-примитивными выглядят эти “ударники капиталистического труда” с их “стрелками”, “разборками”, “крышами” и “счётчиками”, что, вопреки всем либеральным наставлениям и заклинаниям, у авторов и исполнителей непроизвольно прорываются положительные акценты то на любовной верности, то на сохранении чести в данном слове, то на бескомпромиссности в вопросах нравственности и прочих чертах того, над чем ещё продолжают измываться по инерции. А всё почему? Да потому, что “не стоит село без праведника”, как говаривали в старину наши предки, имея в виду главенствующую воспитательную силу положительного примера.

Попыталась было либеральная пропаганда вначале противопоставить “совку” героя своего времени – крутого успешного бизнесмена. Сами слова “бизнесмен” или “бизнесвумен” стали практически единственной иконой на “божнице” постсоветской власти. Они, эти слова, не только претендовали на “праведность”, – мыслилось, что они дают импульс стремления к счастью для юношества, типа того, как звали ввысь советскую детвору слова “лётчик”, “авиация” или “космонавт”.

Приходит наконец, как после похмелья, смутное понимание, что “бизнесмен” – это неточный перевод на русский приличного и уважительного слова “предприниматель”. Среди советских людей слово “бизнесмен” бытовало как “делец”, “деляга”, “барыга”, “фарцовщик”, “фирмач” и т. д. Поощряемый своей родной властью, названный “общецивилизованным” термином, “бизнесмен” теперь, наш делега, набыл шею, растопырил пальцы и сузил разнообразный красочный мир до одного слова “скоко?”. В таком же узком диапазоне вся постсоветская идеология (при циничном отрицании всякой идеи в государстве) скукожилась до примитивного императива: хочешь счастья – будь бизнесменом. Нынешние наши бизнесмены вовсе не “предприниматели” (таковых мало), а посредники, “работники наvara и маржи, романтики с большой дороги”.

Звонит от напряжения глобальная информационная сеть, вынужденная, пусть иногда и искажённо, но всё же информировать о реальных событиях и фактах жизни человечества. У нас, в России, долгое время, пока существовал Советский Союз, было своё “информационное пространство”, пытавшееся оградить советского человека от разрушающего влияния на только формирующееся его социалистическое сознание тех самых капиталистических стереотипов.

Проницательный читатель, слушатель, зритель уже давно заметил, что с крушением информационного “железного занавеса” не осталось и российско-информационного пространства, создавшего среду воспитания человека-творца, созидателя, устремлённого в будущее, дерзновенного в мечтах, но скромного в личных притязаниях, нравственно чистого, открытого, любящего, дружественного, для которого самая высокая человеческая ценность в том, что не измеряется никакими “условными единицами” – ум, талант, личное обаяние, скромное поведение, общительность, знания, трудовые достижения.

Простой советский человек осваивал тайгу, пустыни, полюса земли, целину и сопромат. Строил заводы, плотины, города и сильное государство. Клепал самолёты, поднимал ввысь ракеты. Брал рекорды и олимпийские медали. А как он пел! От души, вдохновенно, талантливо.

Ни одно время, ни один народ на земле не оставил в своём профессиональном и самодеятельном творчестве такого жизнеутверждающего оптимис-

тического заряда, как это сделал наш простой человек ради своего светлого “коммунистического далёка”.

И не только пафосные мухинские “Рабочий и колхозница”, но и скромная шадринская “Девушка с веслом”; не только могучие плотины Днепрогэса и Братска, но и взобравшаяся на пьедестал у ворот завода труженица-“полуторка”; не только величественный “Воин-освободитель” в Трептов-парке, но и бесконечный ряд обелисков под красной звездой от Берлина до Владивостока; не только “пригламуренные” портреты передовиков с Досок почёта, но и миллионы открытых светлых лиц в документальных кадрах кинохроники; не только подслащённый медийный официоз, но и фотоотпечатки советской эпохи в семейных альбомах — да их тысячи и миллионы, памятников и памятков советской эпохи! Всё это не просто свидетельствует, что не будет забыт, не растворится в некоем потребительском “среднем классе” советский простой человек, но и доказывает, что он уже вошёл в генотип будущего человечества.

Нашему автору и другу А. А. Устинову исполняется 80 лет. Сердечно поздравляем Альберта Александровича со славным юбилеем!

Редакция